

INSPIRIA

ПРОШУ, НАЙДИ МАМУ

어
마
를
부
탁
해

Очень интимная история семьи,
ищущей любимую мать,
а также убедительное изображение
Южной Кореи.
BBC

Син
Гёнсук

INSPIRIA

Син Гёнсук

Прошу, найди маму

Серия «Loft. Современный роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66751878
Прошу, найди маму: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161858-2

Аннотация

Син Гёнсук – одна из ведущих литературных деятелей Южной Кореи, первая женщина, номинированная на Man Asian Literary Prize за роман «Прошу, найди маму».

Роман «Прошу, найди маму» стал знаковым литературным явлением не только для стран Азии (премия от Министерства культуры Южной Кореи), но и для всего мира. Роман издан в 43 странах мира.

- * Republic of Korea Culture and Arts Award
- * Man Asian Literary Prize
- * Hyundae Literature Award
- * 21st Century Literature Award

Долгожданное издание для всех равнодушных к современному литературному процессу, интересующихся Южной Кореей и трендами на Азию в целом, а также женскими лицами в прозе.

Про автора также много писали в западной прессе (The Guardian, The Times, Publishers Weekly, The New York Times, Kirkus, The Wall Street Journal и др.).

Пак Сонё словно растворилась в воздухе посреди Сеульского вокзала. Муж выпустил руку супруги, и толпа поглотила ее. На поиски матери семейства бросается вся семья — дети расклеивают объявления, расспрашивают возможных очевидцев... Но, кажется, Пак Сонё пропал без следа. И чем больше члены семьи собирают о ней информации, чтобы сдвинуть поиски с мертвой точки, тем больше они понимают, как же мало в действительности они знали Сонё, которая, в сущности, являлась самым важным человеком для каждого из них.

«В кратчайшие сроки роман разошелся огромным тиражом и вызвал так называемый „синдром матери“ в корейском обществе». seoul.co.kr

«Трогательная история о раскаянии и запоздалой мудрости, наглядно показывающая нам, как глобализм — на бытовом, „человеческом“ уровне, — ранит души и не дает уверенности в своих поступках». Wall Street Journal

«Роман Син Гёнсук о пропавшей в Сеуле пожилой женщине задел читателей за живое. Это, безусловно, отражает мировую тенденцию считать матерей и их жертвенность — само собой разумеющимся. И тем более ранит эпизод, когда дети пропавшей понимают, что у них даже нет свежей фотографии их собственной матери...» The Guardian

«Красивый, убедительный роман. Очень интимная история семьи, ищущей любимую мать, а также искусное изображение Южной Кореи». BBC

«Болезненный гимн таинству материнства». The New York Times Book Review

«Одиночество в кругу семьи, депрессия и тайны уединенной жизни». Publishers Weekly

«В некотором смысле это метафора о переходе корейского общества из сельской местности в города, отчасти – элегия о значимости семейных уз, которые поддерживают, главным образом, самоотверженные женщины. Это сдержанный, нежный роман, лишь изредка впадающий в сентиментальность». Kirkus

Содержание

Глава 1. Неизвестность

7

Конец ознакомительного фрагмента.

71

Син Гёнсук

Прошу, найди маму

Kyung-Sook Shin

PLEASE LOOK AFTER MOM

Copyright © 2008 by Kyung-sook Shin

© Татьяна Залесская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство

«Эксмо», 2022

Глава 1. Неизвестность

Прошла неделя с тех пор, как мама пропала.

Все родственники собрались в доме твоего старшего брата и после долгих обсуждений решили составить объявление, чтобы затем распечатать и раздать в тех окрестностях, где она потерялась. Для начала нужно было составить текст. Этот способ стар как мир. Как же так? Пропал человек, при том родная мать, а всё, что в этой ситуации могут предпринять близкие люди, – это заявить в полицию, начать обыскивать окрестности, останавливая всех прохожих, задавая один и тот же вопрос, или, как это сделал твой младший брат, владелец интернет-магазина одежды, разместить объявление в Сети с фотографией, краткой информацией об обстоятельствах исчезновения и просьбой сообщить, если кто-нибудь увидит похожего человека. Ещё можно было объездить все места, куда могла бы отправиться мать, но ты прекрасно знала, что в этом городе она была не в состоянии добраться куда-либо самостоятельно. «Ты писатель, ты и составляй текст», – поручил тебе старший брат. Писатель... От этих слов ты покраснела, будто тебя застали врасплох за каким-то постыдным занятием. Но что ты могла придумать, что написать, чтобы это помогло найти родного человека?

В объявлении написали дату рождения матери: 24 июля 1938 года. Но отец рассказал, что она родилась в 1936 году. В документах везде указан 1938-й, но, оказывается, она родилась в 1936-м. Ты слышала об этом впервые. Отец сказал, что раньше все так делали. Многие дети рождались и через пару месяцев умирали, поэтому с оформлением документов часто откладывали, пока ребёнку не исполнялось два-три года. Ты решила исправить 1938 на 1936, но старший брат сказал, что в объявлении лучше указать точные данные по документам, то есть оставить 1938 год. Ты была не согласна с братом – это всё-таки обычное объявление, а не официальный документ, но спорить не стала и молча исправила 1936 обратно на 1938. И тут же подумала про себя, насколько в таком случае достоверны число и месяц рождения?

Несколько последних лет мать настаивала, чтобы день её рождения отдельно не отмечали. День рождения отца был месяцем раньше. Когда-то на дни рождения и другие праздники все дети со своими семьями приезжали из столицы к родителям в уезд Ч. Когда все собирались вместе, одних только близких родственников было двадцать два человека. Мать любила все эти шумные праздники. За несколько дней до приезда детей она заквашивала кимчхи¹, шла на рынок за мясом, покупала для всех зубные щётки и пасту. Она отжи-

¹ Традиционное блюдо корейской кухни, представляющее из себя остро приправленные квашеные овощи, в первую очередь, пекинскую капусту.

мала кунжутное масло, чтобы дать всем детям с собой, обжаривала и перемалывала семена кунжута и периллы. Соседи и все, кто с ней встречался незадолго до приезда детей, замечали, что она светится от счастья, в её жестах и интонации было столько гордости. Кладовая была забита многочисленными бутылочками и банками со сливовым и малиновым соком, которые мать заготавливала на зиму. Во дворе хранились глиняные горшки, доверху заполненные разными соленьями, а ещё жёлтым горбылём, анчоусами, моллюсками, которые она готовила, чтобы дать детям с собой. Стоило матери от кого-нибудь услышать, что, например, лук полезен, она тут же заготавливала луковый сок, перед самой зимой выжимала сок из старой тыквы, добавляя корень солодки, и отправляла всё это детям в город. Её дом был похож на завод, который круглый год производил что-то для детей и их семей: перечную пасту, соевую пасту, рисовую муку. Со временем дети стали всё реже и реже навещать в родительский дом, чаще родители сами приезжали в столицу. А ещё через какое-то время дети перестали приезжать в уезд Ч. даже на дни рождения родителей. Все собирались в столице, где жили дети, и шли в ресторан. В общем-то, так было проще для всех. Потом мать предложила, чтобы её день рождения отмечали вместе с днём рождения отца. Она говорила, что в самый разгар лета, когда стоит жара и нужно готовиться к двум поминальным ритуалам, которые идут с интервалом в два дня, ей не до своего дня рождения. Сначала

все возражали – мол, так нельзя, и если мать не приезжала сама, то хотя бы кто-то из детей отпралялся в деревню поздравить её. Но потом ко дню рождения отца все стали заодно покупать подарок и для матери, а про сам день её рождения иногда стали забывать. Мать в ожидании детей в гости любила покупать новые носки, и в её шкафу собирались горы носков, которые так и не забрали дети.

Имя: Пак Сонё.

Дата рождения: 24 июля 1938 г. (69 лет).

Приметы: короткие, с частой сединой волосы с химической завивкой, выступающие скулы. Была одета в голубую рубашку, белый жакет и бежевую плиссированную юбку.

Место исчезновения: ст. м. «Сеульский вокзал».

При выборе фотографии для объявления возник спор. Все соглашались с тем, что нужно выбрать недавний снимок, но ни у кого такого не оказалось. Ты вспомнила, что в последнее время мать не любила фотографироваться. Даже когда снимались всей семьёй, она незаметно ускользала, и на фотографии были все, кроме неё. Самым свежим снимком с изображением матери оказалась семейная фотография, сделанная на семидесятилетия отца. Она там была нарядная: национальный костюм ханбок цвета морской волны, волосы собраны наверх (причёску ей сделали в парикмахерской), на губах яркая помада. На фотографии изображение матери

сильно отличалось от того, как она выглядела в день исчезновения, поэтому твой младший брат считал, что использовать эту фотографию в объявлении бесполезно: на улице её никто не опознает. Он сказал, что, когда разместил эту фотографию в Интернете, люди оставляли комментарии вроде: «У вас очень красивая мама», «Она не похожа на человека, который мог потеряться». Вы договорились, что каждый ещё раз поищет у себя какую-нибудь другую фотографию. Старший брат попросил тебя дополнить текст объявления. Когда ты вопросительно на него посмотрела, он сказал, что нужно придумать какую-нибудь эффектную фразу. Эффектную?.. Он сказал, что заголовок «Пропал человек» слишком банален. Ты написала «Пропала женщина», но брат сказал, что это то же самое и что получается слишком сухо, лучше написать, что семья ищет мать. Ты написала: «Разыскиваем нашу маму». Брат сказал, что это слишком по-детски. Ты написала: «Сообщите, если увидите эту женщину». «Это всё, что ты можешь придумать? Тоже мне, писатель!» – не выдержав, закричал брат. Ты никак не могла придумать более эффектной фразы, которую хотел услышать брат. «Зачем что-то изобретать? Давайте просто напишем, что обещаем вознаграждение, – это и есть самая эффектная фраза», – сказал средний брат. Написали: «Гарантируем щедрое вознаграждение». «Щедрое вознаграждение?» – на этот раз его жена сказала, что так нельзя писать: чтобы люди заинтересовались, нужно указать конкретную сумму.

- Сколько тогда написать?
- Один миллион вон?
- Этого слишком мало.
- Три миллиона?
- Кажется, всё равно маловато.
- Тогда пять миллионов.

Больше никто не возражал. Ты написала: «Гарантируем вознаграждение в пять миллионов вон» и поставила точку. Второй брат сказал исправить на «Вознаграждение: пять миллионов вон». Младший брат предложил «пять миллионов вон» написать бóльшим шрифтом, чем остальные слова. Договорились, что, вернувшись домой, все поищут у себя фотографию матери и если кто-то найдёт, то вышлет тебе по электронной почте. Дополнить текст и распечатать ориентировки поручили тебе, а развезти их всем остальным – младшему брату. «Можно нанять человека, чтобы он раздавал объявления на улице», – сказала ты, но старший брат ответил: «Мы должны это сделать сами». В будние дни каждый в одиночку, насколько будет позволять работа, а в выходные – все вместе. «Ну и сколько мы так будем её искать?» – проворчала ты. «Я и так делаю всё, что могу. Листовки тоже нужны, хотя бы чтобы не сидеть сложа руки», – ответил старший брат. «Всё, что можешь? Например?» – «Дал объявление в газету». – «Объявление в газету – это всё, что можно предпринять?» – «А что ты предлагаешь? Всем поувольняться и начать обшаривать весь город? Ну да, можно было бы, ес-

ли бы была хоть какая-то гарантия, что мы её так найдём». Ты решила прекратить эти бесполезные препирания со старшим братом. Просто ты осознала, что опять сработала твоя привычка перекладывать все важные решения на брата, потому что он старший. Отец остался у старшего брата, а все остальные заспешили по домам. Если бы все не разошлись, опять бы разгорелась ссора. Так было всю прошлую неделю. Собравшись, чтобы обсудить, как искать пропавшую мать, все вдруг начинали обвинять друг друга, вспоминая, кто и когда раньше был неправ по отношению к ней. Всё, на что прежде закрывали глаза, делая вид, будто так и должно быть, теперь вылезало наружу, в результате разговор заканчивался тем, что кто-то начинал повышать голос, кто-то уходил покурить, хлопнув дверью. Когда ты услышала о пропаже матери, первым делом ты с претензией спросила, почему никто из стольких родственников не поехал на вокзал её встретить.

– А что ж сама-то не встретила?

«Я?» – ты замолчала. Потому что ты вообще узнала о том, что произошло, только через четыре дня. Братья и сёстры обвиняли друг друга, ещё больше раня.

Покинув дом старшего брата, ты села в метро и собралась ехать домой, но по дороге решила выйти на станции «Сеульский вокзал», где пропала мама. Пока ты шла к платформе, где она исчезла, мимо проходили толпы людей, задевая тебя плечами. Когда ты остановилась на том месте, где отец выпустил руку матери, люди всё так же проходили мимо, за-

девая тебя плечами то спереди, то сзади. Никто не извинялся. Пока твоя мать стояла тут в растерянности, люди, наверное, точно так же проходили мимо. Когда ты должна была уехать из родного дома в Сеул, за несколько дней до твоего отъезда мама взяла тебя за руку, и вы пошли на рынок в магазин одежды. Ты выбрала прямое платье без каких-либо украшений, но она протянула тебе другое, с оборками на плечах и подоле: «Как тебе?» «Да ну...» – сказала ты и отодвинула его. «Почему? Примерь». Мама тогда была ещё молодой женщиной. Она всегда носила старое полотенце вместо головного убора, и казалось, что между ней и этим утончённым платьем огромная пропасть, они были будто из разных миров. «Что за детский сад!» – сказала ты. «Ты так думаешь?» – спросила мать, продолжая грустно разглядывать платье спереди и сзади. «Я бы на твоём месте примерила». Тебе стало неловко, что ты так грубо ответила, поэтому ты сказала: «Оно же не в твоём вкусе». Мать ответила: «Ну почему же... Мне нравится. Я просто никогда не могла себе такое позволить».

Сколько воспоминаний может храниться в памяти человека? Особенно воспоминаний о матери...

Всё, что было забыто, пока мать была рядом, вдруг начало всплывать в памяти, поэтому с тех пор, как ты слышала о её исчезновении, ты ни на чём другом не могла сосредоточиться больше минуты. Каждое воспоминание вело к тоске.

«Надо было тогда хотя бы примерить то платье...» – подумала ты, присев на корточки в том месте, где, быть может, так же сидела мама. Ты тогда настояла, и она купила тебе другое, более строгое платье. Через несколько дней вы приехали в Сеул. Мать крепко держала тебя за руку, когда вы пробирались сквозь толпу на перроне. Она шла шагом, будто бросающим вызов высоким зданиям, строго смотревшим на вас сверху вниз. Вы остановились у башни с часами и стали ждать брата. И вот сейчас она потерялась. Когда показался свет приближающегося состава, люди стали собираться на платформе. Они косились на тебя – видимо, ты преграждала им дорогу.

В тот день, когда мать выпустила руку отца на станции метро «Сеульский вокзал», ты была в Китае. Ты ездила с коллегами-писателями на книжную выставку, которая проходила в Пекине. Уже позже ты узнала, что в тот момент, когда ты стояла в павильоне выставки и листала свою книгу, переведённую на китайский язык, мама осталась одна на станции.

– Папа, почему вы не взяли такси? Если бы вы не поехали на метро...

Отец сказал, что ему показалось лишним выходить на улицу и садиться в такси, если на станцию метро можно перейти по подземному переходу, не выходя на улицу. Когда что-то случается, в особенности плохое, всегда задним числом начинаешь жалеть: надо было не так, а эдак. Почему в

тот раз все согласились с отцом, утверждавшим, что они с мамой смогут сами добраться до дома среднего брата? Ведь раньше дети всегда встречали родителей на вокзале или автобусной станции. Родители всегда ездили только на машине детей или на такси, так почему же на этот раз отец решил сесть в метро? Он рассказал, что видел, как мать собиралась войти вслед за ним в только что прибывший поезд. Он заметил, что её нет рядом, только когда уже был в вагоне. Как назло, это произошло в субботу днём, когда в метро было многолюдно. Толпа оттеснила мать, та выпустила руку отца и не успела понять, что произошло, как поезд отъехал. Сумку нёс отец, поэтому она осталась на станции одна с пустыми руками, а ты в тот самый момент покинула книжную выставку и направилась к площади Тяньаньмэнь. Ты уже третий раз была в Пекине, но на площадь Тяньаньмэнь до этого так ни разу и не попала, а смогла только мельком взглянуть на неё из окна автобуса или машины. Когда студент-экскурсовод сказал, что до ужина ещё есть время, и предложил сходить на площадь Тяньаньмэнь, вы с коллегами последовали за ним. Что делала твоя мама, оставшись на станции одна, в тот момент, когда ты вышла из такси у Запретного города? Твои спутники зашли в Запретный город, но быстро вышли обратно. По всему Пекину шла стройка. Гид сказал, что это из-за подготовки к Олимпийским играм, которые пройдут в следующем году. Запретный город тоже был на реконструкции, пройти можно было только в отдельные его части, да и вре-

мя закрытия приближалось. Тебе вспомнился фрагмент из фильма «Последний император», в котором состарившийся Пу И, вернувшись в Запретный город, где когда-то прошло его детство, обещает юному туристу что-то показать и доставит спрятанную в троне коробочку. Когда он открыл крышку, там оказался всё ещё живой сверчок, тот, с которым Пу И играл в детстве. Может быть, в тот момент, когда ты собралась перейти к площади Тяньаньмэнь, твоя мама стояла посреди толпы людей, которые толкались и спешили пройти мимо, и ждала, что за ней кто-то придёт. Дорога, соединяющая Запретный город и площадь Тяньаньмэнь, тоже ремонтировалась. Площадь была совсем рядом, но чтобы выйти к ней, нужно было долго блуждать по запутанным лабиринтам временных ограждений. Пока ты смотрела на воздушных змеев в небе над площадью Тяньаньмэнь, твоя мама, наверное, в отчаянии опустилась на корточки где-то в дальнем углу перрона и звала тебя. Когда открылись железные ворота Тяньаньмэнь, вышел целый отряд солдат, марширующий широким шагом, и начал спускать красный флаг с пятью звёздами, а мать тем временем бродила по лабиринтам станции метро. Свидетельства людей, которые были в то время на станции, подтверждают это. Они рассказывали, что видели одну пожилую женщину, предположительно, твою маму, которая медленно шла, иногда бессильно опускалась на корточки, шла дальше, долго неподвижно стояла перед эскалатором. Кто-то даже сказал, что помнит, как пожилая женщина,

похожая по описанию на твою маму, долго сидела на станции, а потом вошла в подъехавший поезд метро. В тот вечер, когда пропала мама, ты со своей группой села в ночное такси, поехала в один из оживлённых районов, где светились пёстрые вывески ресторанов. Там вы с компанией пили китайскую водку крепостью в пятьдесят шесть градусов и закусывали обжаренными в красном масле крабами.

Отец рассказал, что вышел на следующей станции и вернулся на «Сеульский вокзал», где они с матерью расстались, но там её уже не было.

– Но как она могла пропасть только из-за того, что просто не успела сесть в поезд? Везде же есть указатели. И что, она не знает, как позвонить по телефону? Можно же было сделать хотя бы один звонок из телефона-автомата.

Так сказала жена брата. Она считала, что, оставшись на станции одна, мать наверняка нашла бы дом сына. Она считала, что что-то произошло. Что-то произошло? Это говорило лишь об одном: она не хотела признавать тот факт, что мать уже не такая, как прежде. «Мама вполне могла потеряться». В ответ на эти твои слова жена брата удивлённо округлила глаза. «Ты ведь сама знаешь, в каком состоянии она была», – сказала ты. Жена брата сделала вид, будто ничего не понимает. Но на самом деле все родственники знали, что происходит с матерью, и понимали, что теперь она может уже никогда не вернуться.

Когда же ты впервые узнала, что мама не умеет читать?

Свое первое письмо ты написала под диктовку матери — она просила тебя записать всё, что хотела сообщить твоему брату, который уехал жить в Сеул. Твой брат окончил школу в небольшом уезде, к которому относится ваша родная деревня, потом в течение года самостоятельно готовился к экзамену на госслужащего, после которого его распределили ехать работать в Сеул. Тогда матери впервые пришлось расстаться со своим чадом. В те времена телефона не было и письма были единственным средством общения. Из города брат присылал матери письма, написанные крупными буквами. Мама, как ясновидящая, чувствовала, когда должно было прийти письмо. Каждый день около одиннадцати часов в деревню приезжал почтальон с огромной сумкой, которую он вешал на руль велосипеда. Почувствовав, что должно прийти письмо от старшего сына, мама, была ли она в тот день в поле или стирала на реке, направлялась домой, чтобы лично принять почту. Потом она ждала тебя из школы. Когда ты приходила, она вела тебя в заднюю комнату в дом, доставала письмо и, протягивая его тебе, просила прочитать вслух. В первой строке писем старшего брата всегда было написано: «Маме». Следуя правилам, которые он знал из школьных учебников, брат сначала спрашивал, как дела дома, и только потом писал о себе. Он писал, что раз в неде-

лю относит стирать бельё к двоюродной тёте. Об этом мама специально просила её. Брат писал, чтобы мама не волновалась: питается он хорошо, и теперь у него есть жильё – сторожка в районной администрации, где ему разрешили расположиться при условии, что он возьмёт все ночные дежурства на себя. Он писал, что после приезда в столицу у него появилась уверенность и желание многого добиться. Его мечта – добиться успеха, чтобы обеспечить матери комфортную жизнь. Брат в свои двадцать лет важно писал: «Мама, не беспокойтесь обо мне, позаботьтесь лучше о своём здоровье». Громко читая письмо, ты бросала взгляд на маму. Та сидела неподвижно, молча уставившись на какую-нибудь связку стеблей таро, подвешенную сушиться, или на горшки с соусами во дворе, и вслушивалась, чтобы не пропустить ни одного произнесённого тобой слова. Когда ты дочитывала письмо до конца, мать просила тебя писать под диктовку ответ. Первым словом, с которого она начинала, было: Хёнчхолю. Хёнчхоль – это имя твоего брата. Ты записывала имя брата, как тебе диктовала мама: «Хёнчхолю». Она не просила ставить точку, но ты сама ставила её после обращения. Когда мама звала брата по имени, ты записывала с восклицательным знаком: «Хёнчхоль!» Если, произнеся имя сына, мама замолкала, будто забыв, что хотела сказать, ты, не выпуская ручку,правляла выпавшую прядь волос за ухо и, глядя на лист бумаги, внимательно ждала продолжения. Если мама диктовала: «На улице холода», ты писала: «На ули-

це похолодало». После обращения к сыну по имени мама говорила о погоде. «У нас уже пришла весна и зацвели цветы». «На дворе лето, на рисовой плантации земля совсем пересохла». «Осень. Собираем урожай. За рисовым полем поспела наша соя». Мама не говорила на диалекте, только когда диктовала письма сыну. «В общем, не беспокойся за нас, главное – следи за здоровьем». Это единственное, чего желала мама. Фраза «Прости свою мать, что ничем не могу тебе помочь» приносила волну эмоций в письмо, начавшееся с обращения к сыну по имени. Пока ты аккуратно записывала всё, что говорила мать, на кисть её руки иногда падали крупные капли слёз. Слова, которые мама диктовала в конце письма, были всегда одинаковыми: «В общем, питайся хорошо, не голодай. Твоя мама».

Ты была третьим ребёнком в семье, поэтому могла наблюдать грусть и боль матери от расставания с двумя старшими сыновьями, когда те покидали родительский дом. Ты видела, как она переживала. Отправив старшего сына, мать каждый день рано утром чистила стоявшие на площадке во дворе глиняные горшки с соусами. Колодец находился в другом конце двора, поэтому даже воду принести было нелегко, а она перемывала все горшки, которыми был уставлен задний двор. Она снимала крышки и натирала их до блеска с обеих сторон. Работая тряпкой, мать пела. *«Не было бы между нами моря, не знали бы мы расставаний горя»*. Руки всё время были заняты: окунали тряпку в холодную воду, выжи-

мали, сновали между горшков, но из уст матери слышалось: «*Не покидай меня на закате дня*». «Мама!» – звала ты, мама оборачивалась, и её простодушные, похожие на коровьи глаза были полны слёз. Как-то мама позвала: «Хёнчхоль!» – и бессильно присела на корточки перед одним из горшков. Тогда ты осторожно забрала у неё тряпку, взяла её руки и положила их себе на плечи. Один из способов выражения любви к старшему брату состоял в том, что она только ему варила рамён², когда он возвращался с поздних занятий в школе. Когда ты иногда начинаешь вспоминать те времена, брат отвечает: «Подумаешь! Что такого в рамёне?» «Что значит, что такого в рамёне?! В те времена он был самым желанным лакомством. Мама прятала его от нас», – говорила ты, но брат, который столько времени прожил в городе, наверное, продолжал думать, что в этом не было ничего особенного. Рамён, который тогда только появился, перевернул все представления о вкусах. Мать покупала эту новинку, прятала в пустом горшке от соусов во дворе, чтобы потом варить его только для старшего брата поздней ночью. Но от запаха все остальные братья и сёстры, включая тебя, разом открывали глаза. Мать строго наказывала: «Идите спать!» – но вы все как один смотрели в рот старшему брату. Когда ему становилось неловко, он давал понемногу со своих палочек остальным. «Не скроешь от них», – приговаривала мать и наливала кастрюлю воды, чтобы сварить ещё одну пачку для младших.

² Лапша быстрого приготовления.

В те времена дети радовались даже порции, где бульона было намного больше, чем лапши. Когда, вытирая многочисленные горшки, мать находила спрятанную в одном из них пачку раме́на, она вспоминала о сыне, чувства накатывали волной, и она начинала рыдать.

Единственное, что ты могла сделать для матери, которая тосковала по старшим сыновьям, покинувшим родительский дом, – это читать вслух письма от них, записывать под диктовку ответы и бросать письма в почтовый ящик по дороге в школу. Но ты почему-то и тогда не догадывалась, что мать не знает грамоты. Ты читала матери письма, записывала её слова, но тебе никогда и в голову не приходило, что она вынуждена была просить о помощи у юной дочери потому, что сама не знала букв. Для тебя такие просьбы ничем не отличались от других поручений по хозяйству: нарвать в огороде зелени или сходить в магазин купить керосина. Когда и ты покинула родительский дом, похоже, что писать письма под диктовку она уже больше никому не поручала. Ты ни разу не получала письма от матери. Может быть, потому что ты сама ей не писала? Но скорее потому, что появилась телефонная связь. Примерно в то время, когда ты уехала в город, деревенскому старосте поставили общественный телефон. Это был первый общественный телефон в деревне. Каждое утро по громкоговорителю передавали объявление, что такому-то звонят из Сеула, и просили подойти взять трубку. Братья, которые до этого сообщали новости в письмах, стали звонить на этот об-

щественный телефон. После его появления в деревне жители, у которых родственники уехали в другой город, услышав проверку микрофона, заветное «раз, раз», будь они на рисовой плантации или в поле, прислушивались, не вызовут ли их к телефону.

Есть два типа отношений между матерью и подросшей дочерью: либо они знают друг о друге всё, либо знают ещё меньше, чем чужие люди.

Вплоть до прошлой осени ты была уверена, что хорошо знаешь мать. Ты знала, что она любит, что надо делать, чтобы смягчить её гнев, какие слова она хочет услышать. Если кто-то спрашивал, чем она сейчас занимается, ты в течение десяти секунд могла ответить «Наверное, сушит побеги папоротника» или «Сегодня воскресенье, поэтому, наверное, пошла в костёл». Но прошлой осенью эта уверенность разбилась вдребезги. Ты впервые почувствовала, что стала для мамы не дочкой, а гостем, когда она однажды начала при тебе прибираться. С какого-то момента мама стала аккуратно складывать полотенца, за едой сразу смахивала крошки, которые случайно падали на стол. Если ты приезжала домой, не предупредив заранее, мать всё время чувствовала себя неловко из-за беспорядка во дворе или нестираного постельного белья. Заглянув в холодильник, она отправлялась на рынок покупать продукты, не слушая твоих уговоров не делать этого. Семья – это такие отношения, когда после еды можно не убрать со стола и как ни в чём не бывало заняться чем-то

другим. Увидев, как мать не хотела, чтобы ты видела её будничным беспорядок, ты поняла, что стала для неё гостем.

Возможно, ты стала для матери гостем ещё раньше, когда она отвезла тебя жить в город. После того, как ты переехала в столицу, мама перестала ругать тебя, хотя до этого отчитывала тебя даже за малые проступки. С давних пор у мамы на устах было слово «девчонка». В основном она называла тебя так, чтобы выделить среди братьев, но иногда, например, когда видела, как ты ешь яблоко или виноград, зажав в кулаке, или о твоей походке, манере одеваться или говорить, она говорила тебе: «Тоже мне девчонка», и это означало требование вести себя так, как подобает девочке. После этого мама иногда начинала грустить, пристально глядя тебе в лицо. Когда мама сажала тебя напротив, дав два конца накрахмаленного пододеяльника, чтобы ты помогла его расправить, так как помочь больше было некому, или когда поручала поворошить палкой огонь в топке, чтобы дать рису дойти, взгляд её всегда становился печальным. Однажды холодным зимним днём, когда вы вместе чистили у колодца ската для поминального ритуала, мать, стуча ножом, сказала: «Ты должна хорошо учиться. Только так ты сможешь изменить свою жизнь». Поняла ли ты тогда слова матери? Кажется, когда мама тебя сильно ругала, ты всё время повторяла: «Мамочка, мамочка». И это было не просто ласковое обращение, это был ещё и призыв: «Позаботься обо мне», «Хватит ругать, лучше приласкай», «Будь на моей стороне, даже

если я не права». С возрастом ты не переставала по-детски говорить ей «ты» вместо почтительного «вы» и продолжаешь даже сейчас, когда её нет рядом. В обращении на «ты» таится желание верить, что она всё та же, что и прежде. Верить, что она сильная, что она может всё и что она всегда готова выслушать тебя на том конце телефонного провода каждый раз, когда у тебя случаются какие-то неудачи в городе.

В тот день прошлой осенью ты заранее не предупредила мать о своём приезде. Но совсем не потому, что не хотела доставлять ей лишних хлопот, зная, как она хлопочет перед каждым твоим приездом. В тот день рано утром ты вылетела самолётом в город П., который был далеко от родительского дома. Когда, встав на заре и вымыв голову, чтобы успеть на ранний рейс, ты утром вышла из дома, ты ещё не планировала ехать к маме в уезд Ч. Дорога из города П. в уезд Ч. была длиннее, и добираться было менее удобно, чем из твоего дома в Сеуле. Поездка к матери стала неожиданной и для тебя самой.

Когда ты подошла к родительскому дому, ворота были открыты. Входная дверь тоже была открыта. На следующий день у тебя в обед была встреча с молодым человеком, поэтому ты планировала вернуться домой ночным поездом. Ты родилась здесь, но родная деревня была для тебя уже чужой. Из того, что напоминало о детстве, остались только растущие у реки вязы. Три из них засохли, но так и остались стоять

на том же месте. Наверное, именно поэтому каждый раз по пути домой ты сворачивала с большой дороги и шла вдоль этой аллеи у реки. Эта дорога выводила тебя к задней калитке двора. Когда-то давно прямо перед ней находился обширный деревенский колодец. После того, как в каждый дом был проложен водопровод, колодец засыпали, но ты помнила про него и перед тем, как войти в калитку, ненадолго останавливалась на том месте. Ты пробовала легонько постучать ногой о твёрдый цемент. Неужели на этом месте когда-то был незасыхающий колодец? Тебе становилось немного не по себе. Этот колодец, напоив всех людей с вашей улицы, всегда оставался полон воды. Каково ему теперь там, в темноте? Ты не видела, как его засыпали. Однажды ты после долгого отсутствия приехала к родителям и обнаружила, что колодец исчез, а на его месте проложена цементная дорога. Тебе до сих пор кажется, что под цементом плещется вода, наверное, потому что сама не видела, как засыпали колодец.

Остановившись ненадолго перед засыпанным колодцем, ты вошла через маленькую калитку и позвала: «Мамочка!», но ответа не последовало. Двор, смотревший на запад, был залит осенними лучами солнца, которое начало склоняться к горизонту. Ты вошла в дом и осмотрелась: матери не было ни в гостиной, ни в спальне. В доме царил беспорядок. На столе стоял незакрытый графин с водой, в раковине – чашка. На полу в гостиной лежала перевернутая корзина с тряпками, а на диване, раскинув в стороны рукава, – грязная ру-

башка, которую, видимо, оставил отец. Окна в доме смотрели на запад, поэтому, несмотря на вечернее время, пустая комната была пронизана яркими лучами солнца. «Мамочка!» Зная, что в доме пусто, ты попробовала позвать ещё раз: «Мамуль!» Ты уже было собралась выйти на улицу, но мельком заметила мать в пристройке, которая стояла в боковой части двора. Она лежала там на деревянной лавке. «Мам!» – позвала ты, но она не ответила. Поправляя кое-как обутые в спешке туфли, ты побежала к матери, не сводя с неё глаз. Из пристройки был хорошо виден двор. Когда-то мама тут делала солодовую закваску. После того как амбар объединили со стоявшим рядом хлевом, он стал вполне полезным помещением. На стенах повесили полочки, где разложили неиспользуемую кухонную утварь, а под ними в стеклянных бутылках хранились заготовки. Мать перенесла в пристройку старую деревянную лавку. Когда снесли старый дом и построили новый в европейском стиле, мать уходила в пристройку делать то, что неудобно было готовить в условиях европейской кухни. Здесь она выкладывала в форму красный перец перед приготовлением кимчи, чистила стручки сои, которые тщательно отделяла от стеблей, заготавливала пасту из красного перца, пересыпала солью пекинскую капусту для кимчи, сушила жёлтую сою.

Собачья конура у пристройки была пуста. Цепь лежала на земле. Только сейчас ты вспомнила, что, заходя в дом, не слышала лая. Оглядываясь в поисках собаки, ты подошла к

матери. Она лежала неподвижно. Похоже, она только что нарезала кабачок, чтобы высушить его на солнце. Рядом с ней была разделочная доска, нож и кабачок, а в старой большой корзине лежали ровные нарезанные ломтики. Сначала ты подумала, что мама спит. Но ты прекрасно знала, что она никогда не спит днём. Ты внимательно посмотрела ей в лицо. Положив руку на лоб, она будто мучилась от сильной боли. Её рот был открыт, а лоб так сильно нахмурен, что между бровей образовалась глубокая морщина.

– Мамочка!

Ты позвала, но мама не открывала глаза.

– Мама! Мамочка!

Встав на колени, ты начала сильно тормошить её, и та приоткрыла глаза. Глаза были красными, на лбу выступили маленькие капельки пота. Казалось, что она не узнаёт тебя. От сильных мук её лицо перекосилось. У неё было такое выражение лица, будто что-то невидимое отчаянно било её по голове. Она опять закрыла глаза.

– Мама!

Ты не успела опомниться, как уже сидела на лавке, положив голову матери себе на колени. Ты придерживала её за плечо, чтобы голова не соскальзывала. Как можно было так оставить мать одну? В твоём сознании мелькнула досада, как будто кто-то намеренно оставил её в амбаре. На самом деле любой человек эгоист и первым делом обвиняет других. Ведь в тот момент ты с недовольством возмутилась, будто и

вправду был какой-то конкретный человек, который бросил мать в одиночестве, но на самом деле ты и сама причастна к тому, что она осталась одна. Часто в подобных ситуациях человек теряется, не может ничего предпринять. Так было и с тобой. Вызвать «скорую»? Перенести маму хотя бы в комнату? А куда ушёл отец? В голову беспорядочно приходили разные мысли, но в реальности ты была не способна сделать ничего и только смотрела на мать, положив её голову себе на колени. Ты никогда не видела такого перекошенного мучками маминого лица. Её рука, которая была с силой прижата ко лбу, вдруг соскользнула вниз. Напряжение ушло, и мать глубоко задышала. Руки и ноги распрямились, и было заметно, что неимоверная боль отпустила. Мамочка! Твоё сердце выпрыгивало из груди, ты хотела обнять её. Ты впервые подумала, что она была на грани жизни и смерти. Мама потихоньку открыла глаза, и её зрачки остановились на тебе. Она должна была удивиться, увидев тебя, но её зрачки были неподвижны. Она была настолько слаба, что даже не могла ни на что реагировать. Только спустя какое-то время мама сухо и тихо произнесла твоё имя. Потом чуть слышно пробормотала что-то. Ты наклонилась к ней.

– Когда умерла твоя тётя, я даже не могла плакать.

Бледное лицо матери выглядело настолько опустошённым, что ты ничего не могла сказать в ответ.

Похороны тёти были весной. Ты не смогла на них приехать. Не то что на похороны, ты не смогла даже навестить

тётю, когда она почти год лежала в больнице. Но чем же ты была занята? В детстве она была для тебя второй мамой. На летних каникулах ты жила у тёти, чей дом располагался по другую сторону горы. Из племянников она больше всех любила тебя. Скорее всего потому что ты была похожа на маму. Тётя говорила: «Ты как две капли воды похожа на свою мать». Тётя кормила с тобой кроликов, заплетала тебе косу, заботилась о тебе, как о твоей матери в детстве. Всем она варила перловку и только для тебя готовила белый рис. Вечером она клала твою голову к себе на колени и рассказывала сказки. Она подкладывала тебе под голову свою руку. Ты до сих пор помнишь тётю молодой, хотя сейчас её уже нет на этом свете. В пожилом возрасте она воспитывала ребёнка своей двоюродной сестры, которая содержала булочную. После того как тётя упала на лестнице с ребёнком на руках, её отвезли в больницу, где выяснилось, что у неё рак в запущенной стадии и что спасти её уже нельзя.

– Бедняжка, – сказала мать, сообщая тебе эту новость.

– Неужели она не знала о болезни?

– Она никогда не обследовалась.

Мать периодически навещала тётю, носила ей диетическую кашу и кормила с ложечки. Когда мама рассказывала тебе: «Вчера была у сестры», «Я приготовила кунжутную кашу, она ей понравилась», ты лишь молча слушала. О том, что тётя умерла, мама тебе первой сообщила по телефону.

– Тётя умерла.

— ...

— Можешь не приезжать на похороны, тебе своих забот хватает.

Ты и вправду не приехала на похороны, но не из-за слов матери, а из-за того, что тебе нужно было срочно закончить и сдать в печать текст. Старший брат, вернувшись с похорон, рассказывал тебе: «Я боялся, что мама будет убиваться, но она даже не плакала и сказала, что не пойдёт на могилу». — «Мама так сказала?» Брат ответил, что поддержал её решение, хотя это и выглядело странным. И вот сейчас, лёжа в амбаре, как только с лица матери исчезли следы мук, мама рассказала тебе, что, когда умерла тётя, она не могла даже плакать.

— Почему? Надо было плакать, если хотелось, — сказала ты.

Лицо матери по-прежнему не выражало никаких эмоций, но начало приобретать знакомый тебе облик, и ты стала успокаиваться. Она несколько раз моргнула.

— Я теперь не могу плакать.

— ...

— Голова болит, прямо раскалывается.

Голова матери лежала у тебя на коленях. Ты рассматривала её лицо, залитое лучами заходящего солнца, будто видела его впервые. Разве мама страдала головными болями? Такими, что даже не могла плакать? Её большие чёрные глаза, которые раньше блестели, как у коровы, когда та вот-вот должна была отелиться, стали маленькими и почти пол-

ностью спрятались среди морщин. Бледные губы высохли и растрескались. Ты не знала, что она страдала от головных болей, настолько сильных, что не могла даже плакать, когда умерла твоя тётя. Ты подняла мамину руку, которая бесильно лежала в стороне, и положила ей на живот. Ты молча смотрела на тёмные пятна на тыльной стороне ладоней её рук, которые всю жизнь трудились. Ты подумала, что теперь уже не можешь сказать, что хорошо знаешь свою мать.

Ты вспомнила случай, который произошёл, когда был жив её брат.

После долгих скитаний по стране он вернулся в уезд Ч. и каждую среду навещался к вам домой. У него не было к ней никаких особых дел, он приезжал на велосипеде, чтобы просто увидеть сестру. Иногда он даже не заходил в дом, а звал прямо с улицы: «Сестра! У тебя всё в порядке?» Твоя мать даже не успевала выйти во двор, как он говорил: «Ну тогда я поехал!» – разворачивал велосипед и уезжал. Насколько тебе было известно, мама с дядей были не очень дружны. Когда-то давно – ты этого времени не помнишь, а может, ты тогда ещё и не родилась, – дядя вроде бы взял у твоего отца в долг приличную сумму денег и не вернул. Иногда, рассказывая тебе об этом, мать каждый раз осуждала дядю, из-за которого ей приходилось постоянно чувствовать себя виноватой перед твоим отцом и его сестрой. Она очень переживала из-за всей этой истории. Около пяти лет от дяди не

было ни слуху ни духу, мать постоянно вспоминала его, ворча: «И где его носит?» Ты не могла понять, беспокоилась ли она за своего брата, или винила его. Это было ещё в старом родительском доме до того, как его перестроили. Тогда вход был повернут в сторону ворот. Однажды, когда ты как раз была дома, послышалось, как кто-то вошёл через ворота и спросил: «Сестра, ты дома?» Услышав этот голос, мать, которая чистила и ела с тобой мандарины в комнате, подскочила и стремглав выбежала во двор. Кому же это мама так обрадовалась? Из любопытства ты тоже вышла за ней. Мама на секунду остановилась на крыльце и посмотрела в сторону ворот. «Братик!» – закричала она и выбежала ему навстречу, кое-как обувшись на ходу. Это был твой дядя. Подбежав к нему, она повторяла: «Как же так! Как же так!» – и стучала ему в грудь кулаком. Стоя на крыльце, ты наблюдала за ними. Ты впервые услышала, чтобы мама назвала кого-то братом. Упоминая о нём, мама раньше всегда говорила «твой дядя». Ты вскоре поняла, почему растерялась, увидев, как мама радостно бросилась навстречу брату. Ты будто впервые осознала: «Оказывается, у мамы тоже есть брат!» Иногда ты улыбаешься, вспоминая, как мама, твоя пожилая мама, выпрыгнула во двор и с детским «Братик!» бросилась к воротам ему навстречу. В тот момент мама будто стала девочкой младше тебя. Тот момент врезался в твою память. Тогда ты впервые осознала очевидное: да, у матери, как и у тебя, есть брат. Раньше для тебя мама всегда была просто мамой.

Ты никогда не представляла себе, что и она когда-то сделала свой первый шаг, когда-то ей тоже было три года, двенадцать, двадцать лет. Ты с самого рождения воспринимала её только как маму. Как человека, который сразу родился матерью. Так было до того момента, пока ты не увидела, как мама в тот раз побежала навстречу дяде. Ты осознала, что у мамы тоже есть такие же чувства, которые ты испытываешь к своим братьям, и что она тоже когда-то была ребёнком. Кажется, именно с тех пор ты иногда стала рисовать в своём воображении то, какой она была, когда родилась в 1936 году (пусть даже в документах записано 1938-й), каким были её детство, юность, первые годы замужества и то время, когда она родила тебя.

Ты не могла уехать домой, оставив мать лежать здесь одну. Она сказала, что отец уехал в Сокчхо с группой из Центра корейской народной музыки и вернётся только через два дня. Приступ прошёл, но голова продолжала болеть, и мать оставалась лежать с открытым ртом, не в силах даже улыбаться. Она не только не могла плакать, она и улыбаться не могла. Мама даже не поняла тебя, когда ты предложила ей поехать в больницу. Ты помогла ей перебраться в дом. Она ступала очень медленно – видимо, у неё всё ещё гудело в голове. Прошло ещё довольно много времени, прежде чем ты смогла с ней заговорить. Мать сказала, что голова у неё болела всегда, а такие сильные боли случаются время от вре-

мении и что когда они проходят, то становится терпимо.

Знают ли братья о головных болях матери? Знает ли отец?

Ты подумала, что, вернувшись в город, надо будет рассказать всё братьям и отвезти её на обследование в крупную клинику. Когда мама наконец пришла в себя, она первым делом спросила, действительно ли ты сможешь остаться сегодня ночевать. С какого-то времени ты стала приезжать на полдня и сразу возвращаться в город. Ты вспомнила о назначенной на завтра встрече, но сказала: «Да, сегодня я останусь». Мать расплылась в улыбке.

Вы обе не знали, как готовить осьминога, которого ты купила живым на рыбном рынке города П., поэтому оставили его нетронутым и накрыли скромный стол из того, что нашлось в холодильнике, как в былые времена. Вы молча съели рис с кимчи в рассоле, тушёным соевым творогом, жареными анчоусами и поджаренными на огне листьями из водорослей. Иногда мама заворачивала рис в лист из водорослей и протягивала тебе. Ты, как в детстве, молча открывала рот и кусала. После еды вы решили прогуляться вокруг дома. Это был уже не тот дом, в котором прошло твоё детство, но, как и прежде, передний двор был соединён с боковым и задним. Перед задним забором в ряд стояли горшки. Раньше они были наполнены соевым соусом, солью, перечной и соевой пастой, но сейчас они стоят пустые. Когда вы прошли несколько кругов вокруг дома, в какой-то момент мать, будто опомнившись, спросила, почему ты вдруг приехала домой.

– Я была в городе П....

– П. же отсюда далеко.

– Да.

– Оттуда же, наверное, дольше было добираться, чем из Сеула.

– Ну да.

– Не понимаю. То тебя не дожидаться, то ты приезжаешь аж из П.?

Вместо ответа ты взяла в темноте пухлую мамину руку, которая по-прежнему была слабой. Просто ты и сама не знала, как объяснить то, что чувствовала. Ты сказала маме, что рано утром ездила читать лекцию в библиотеку, где собраны книги, написанные шрифтом Брайля, в город П... «Брайля?» – «Шрифт Брайля – это азбука для слепых, которая изображается выпуклыми точками». Мать кивнула. Пока вы ходили кругами по двору, ты рассказала матери о своей поездке в город П. Директор этой библиотеки уже несколько лет подряд приглашал тебя приехать, но из-за других дел поездка не складывалась. В начале этой весны тебе опять позвонили. Это было, как раз когда вышла твоя новая книга. Директор сказал, что хочет издать твою книгу на азбуке Брайля. Азбука Брайля. Ты практически ничего о ней не знала. Ты сама знала ровно то, что потом сказала маме, – это азбука для слепых. Когда ты услышала о намерении издать твою книгу на шрифте Брайля, у тебя было очень смутное представление о том, как это будет. Такое же смутное, как

представление о ещё не прочитанной книге. Директор просил у тебя разрешение на издание. Если бы он не произнёс слово «разрешение», возможно, и на этот раз у тебя так и не сложилось бы поехать в библиотеку для слепых. Это слово тронуло тебя. «Надо же – он просит разрешение, чтобы переиздать ту же книгу на шрифте, понятном среди слепых, чтобы они могли прочесть её». Подумав так, ты почувствовала, что не в силах отказать, и ответила: «Хорошо». Директор сказал, что книга будет готова к ноябрю, а в ноябре отмечают День азбуки Брайля. Он просил, чтобы ты в этот день приехала на церемонию передачи книги в библиотеку. «Почему оно всё так повернулось?» – подумала ты, но уже не могла отказать от данного ранее согласия. К тому же тогда было только начало весны, и ноябрь казался ещё очень далёким. Но время бежало неумолимо, прошла весна, лето, пришла осень, и вскоре наступил ноябрь, тот самый день.

Большинство событий в жизни можно предвидеть заранее. Даже если кажется, что что-то случилось неожиданно, на самом деле, если задуматься, станет понятным, что всегда случается то, что должно было случиться. И если с кем-то часто случается что-то неожиданное, то это значит лишь то, что этот человек не задумывается о последствиях своих действий. Поэтому всё, что случилось в твоей поездке в библиотеку Брайля, вполне можно было предвидеть, если бы у тебя было время поинтересоваться или задуматься над тем, что из себя представляет библиотека для слепых. Но ты бы-

ла слишком занята всю весну, лето и осень. Даже в тот день, когда ты уже ехала туда, ты не столько думала о людях, с которыми встретишься, сколько нервничала, как бы не опоздать к десяти часам, на которые была назначена встреча. Едва успев на самолёт, который вылетал в восемь утра, ты прибыла в город П. и села в такси. Добравшись до библиотеки, ты вошла в приёмную. Директор с помощью волонтера подошёл к тебе и сел рядом. «Спасибо, что приехали к нам», — он вежливо поздоровался и протянул руку. Скрыв волнение, ты весело ответила: «Здравствуйте», — и пожала руку директора. Его ладонь была мягкой. Он начал делиться впечатлениями о твоей книге. Ты только улыбалась и кивала головой незрячему библиотекарю, который, конечно же, не мог увидеть ни твоей улыбки, ни твоего кивания. Это был День азбуки Брайля. Ты вошла в аудиторию. Там было около четырёхсот человек, ещё несколько в этот момент как раз заходили в зал с помощью волонтеров. Среди слушателей были женщины и мужчины средних лет, старики и молодёжь, не было только детей. Началась официальная часть мероприятия, несколько человек по очереди вышли на сцену и выступили с приветственной речью, потом прошла церемония вручения благодарственных грамот. Когда объявили твою книгу, переведённую на азбуку слепых, ты тоже вышла вперёд. Издание на азбуке Брайля, которое ты получила из рук директора библиотеки, было в два раза толще обычной книги, но очень лёгким. Послышались аплодисменты, и с книгой

в руках ты вернулась на своё место. Мероприятие продолжалось. Пока вручали грамоты самым активным читателям, ты заглянула в книгу, написанную азбукой Брайля. Вдруг у тебя будто потемнело в глазах. Белый лист пестрел огромным количеством точек. Казалось, будто ты проваливаешься в какую-то чёрную дыру или, спускаясь по давно знакомой лестнице, задумавшись, вдруг оступаешься и кубарем летишь вниз. Это был бешеный танец точек на белом листе, похожих на дырочки от иголки. Ты не могла прочитать ни одного предложения. Ты рассказала матери, как перелистнула одну страницу, вторую, третью, потом закрыла книгу. Мать внимательно слушала, и ты продолжала. В заключение мероприятия ты должна была выступить с рассказом о новом романе. Ты сидела, положив книгу на колени, а когда назвали твоё имя, вышла вперёд и положила её перед собой на кафедру. Взглянув в зал, ты невольно выпрямилась. Оказавшись перед аудиторией более четырёхсот незрячих, ты была в растерянности, не зная, на кого смотреть.

– И как ты справилась? – спросила мама.

Ты ответила, что отведённые тебе пятьдесят минут показались очень длинными. Ты привыкла всегда смотреть собеседнику в глаза. В зависимости от того, что в них написано, ты решаешь, рассказывать до конца или остановиться. Иногда, глядя в чьи-то глаза, невольно начинаешь рассказывать то, о чём никому раньше не говорила. Знает ли мама об этой привычке? Оказавшись перед четырьмя сотнями незрячих,

ты была в замешательстве, на ком остановить взгляд, чтобы начать свой рассказ. У одних глаза были закрыты, у других приоткрыты, на некоторых были тёмные очки, а кто-то как будто пристально смотрел на тебя, как ты волнуешься. Перед устремлёнными в твою сторону, но не видящими тебя глазами ты почувствовала себя одинокой. Ты засомневалась, есть ли смысл рассказывать им о своём произведении. В то же время говорить о чём-то другом – например, о жизни – тоже было неуместно. Тебе показалось, что о жизни не ты им должна рассказывать, а наоборот, они тебе. В раздумьях ты произнесла в микрофон первую фразу: «О чём бы вам рассказать?» Слушатели засмеялись. Может быть, они подумали, что этим ты хочешь сказать, что готова рассказать им всё, что угодно. А может, они засмеялись, чтобы подбодрить тебя и разрядить обстановку. Мужчина лет сорока с лишним отозвался: «Вы же приехали, чтобы рассказать о своей книге». Глаза этого человека были будто направлены на тебя, на кафедру, но были закрыты. Глядя на эти закрытые глаза, ты начала рассказывать о своём романе, о том, что побудило тебя написать его, что ты пережила в душе во время работы над ним, о надеждах, появившихся у тебя в связи с этой книгой после её написания. Ты была удивлена. Эти люди слушали тебя внимательно, как никто до этого тебя не слушал. По их движениям было видно, что они сосредоточены на твоём рассказе. Слушая, кто-то кивал, кто-то сидел, выдвинув одну ногу, кто-то – наклонившись вперёд всем телом. Ты не

могла расшифровать ни одного предложения, написанного на их азбуке, а они, прочитав твой роман, задавали тебе вопросы, делились впечатлениями. Ты сказала матери, что ещё никогда раньше не встречала людей, которые бы так хорошо отзывались о твоём произведении. Мама, которая до этого молча слушала твой рассказ, вдруг сказала: «Даже они смогли прочитать твою книгу!» Разговор ненадолго прервался. Потом мама попросила рассказать ещё. Когда ты закончила своё выступление, один из них поднял руку и попросил разрешения задать вопрос. Ты согласилась. «Мама, он ничего не видит, но он сказал, что его хобби – путешествовать». Мать опять стала внимательно слушать. Куда же он, незрячий, путешествует? На мгновение ты растерялась. Он сказал, что в одном из твоих давних произведений местом событий является Перу. Главный герой едет в место под названием Мачу-Пикчу, и в книге говорится, что поезд там идёт задним ходом. Человек сказал, что, прочитав роман, загорелся мечтой побывать в Перу и проехаться на том поезде. Он спросил, ездила ли ты сама на нём. Речь шла о произведении, которое ты написала более десяти лет назад. Память часто подводит тебя – нередко, открыв дверцу холодильника, ты забываешь, что хотела достать, и, подставив лицо под струю холодного воздуха, долго так стоишь в раздумьях, после чего закрываешь дверцу, так и не вспомнив, зачем открывала её. Но, тем не менее, к собственному удивлению, ты начала вполне уверенно рассказывать о поездке в Перу десять лет назад, перед

написанием книги. Ты рассказывала о столице Перу Лиме, о Куско, который называли «пупом Вселенной», о станции Святого Петра, куда ты отправилась рано утром, чтобы сесть на поезд до Мачу-Пикчу. О поезде, который больше десяти раз проезжает то вперёд, то назад, после чего отправляется в Мачу-Пикчу. «Названия стран, местностей и гор просто отлетали от зубов», – сказала ты матери. Это были глаза, которые ты ещё никогда не видела, глаза, которые, казалось, поймут и простят любой твой недостаток. Чувствуя, как они принимают тебя, ты рассказала о произведении то, чего никогда до этого не рассказывала. Ты сказала об этом матери. «А что именно?» – спросила она. «Я сказала, что если бы повторно взялась писать эту книгу, то написала бы её по-другому», – ответила ты. «Что в этом такого?» – опять спросила она. «Я ведь этими словами перечеркнула то, что сделала, мама!» Почувствовав тоску, ты нашла мамину руку и сжала её в своей ладони. В темноте мама задумчиво посмотрела на тебя: «А почему ты это скрываешь? Надо всегда говорить то, что чувствуешь», – мать высвободила свою руку и погладила тебя по спине. Ощущение от прикосновения её руки было таким же, как когда в детстве она мыла тебе лицо своей большой ладонью. «Ты так хорошо рассказываешь», – похвалила мама. «Я?» Она кивнула: «Да, ты очень интересно рассказала». – «Тебе понравился мой рассказ?» – «Да... Понравился». – «Понравился мой рассказ?» У тебя защемило в сердце. Ты поняла, что дело не в том, что ты расска-

зала ей какие-то интересные факты, а просто после поездки в библиотеку для слепых ты начала разговаривать с ней по-другому. Вспомни, как ты разговаривала с матерью после того, как переехала в город? Ты всегда злилась на неё, огрызалась, что она тебя не понимает. «Ты же мама, как ты можешь так говорить?» – спрашивала ты с обвинением в голосе. «Зачем тебе это знать?» – спрашивала ты с пренебрежением. После того как ты поняла, что у мамы уже нет сил ругать тебя, на мамин вопрос, зачем ты ходила туда-то, ты коротко отвечала: «Надо было». Если тебе приходилось лететь за границу, когда твою книгу переводили на иностранный язык или на семинар, мама спрашивала: «Зачем ты туда летишь?», ты сухо отвечала: «Есть дела». Мама как-то сказала: «Хватит тебе летать на самолётах. Случись чего – поведи человек сразу погибает. Зачем тебе эти самолёты?» – «У меня там дела, вот я и лечу». – «Почему у тебя вечно много дел?» – опять спрашивала мама. «Так получается, мама», – безразлично отвечала ты, не утруждая себя пояснениями. Тебе было трудно рассказывать матери что-то о себе. Тебе казалось, что твои дела не имеют никакого отношения к её жизни. Но когда ты рассказывала о растерянности, которую испытала, увидев шрифт Брайля, о том, как готова была провалиться сквозь землю перед четырьмя сотнями незрячих, мать внимательно слушала, будто у неё как рукой сняло всю головную боль. Ты уже не помнишь, когда в последний раз подробно рассказывала маме о том, что происходит у те-

бя в жизни. С каких-то пор твой разговор с матерью стал коротким. Всё, что ты говорила, это в основном: «Ты поела?», «Как здоровье?», «Как отец?», «Осторожно, не простудись», «Я выслала деньги». Мама же обычно говорила: «Я отправила тебе кимчхи», «Мне приснился плохой сон», «Выслала рис», «Выслала соевую пасту», «Выслала отвар пустырника», «Тебе будут звонить из службы доставки, так что не отключай телефон».

Один экземпляр твоей книги, переведённой на язык слепых, состоял из четырёх томов. Когда ты попрощалась с аудиторией, держа в руках бумажный пакет с книгами, до обратного рейса оставалось ещё два часа. Ты вспомнила, как, стоя у кафедры, отвела взгляд от аудитории, посмотрела в окно и неожиданно для себя увидела порт, где было пришвартовано несколько больших и маленьких кораблей. Ты подумала, если тут рядом порт, значит, должен быть и рыбный рынок. Ты села в такси и отправилась туда. Бродить в свободное время по рынкам незнакомого города было твоим хобби. Жизнь на рынке кипела, несмотря на то что был будний день. Уже перед входом на рынок ты увидела, как два человека разделявали рыбу-луну размером с легковую машину. Увидев огромную рыбу, ты спросила, не тунец ли это. Торговец ответил, что это рыба-луна. Ты вспомнила, как читала в каком-то романе – названия ты не помнила – про девушку, которая родилась в деревушке у моря, а потом уеха-

ла жить в город. Загрустив, она каждый раз шла к огромному аквариуму и разговаривала с рыбой-луной. Девушка была в обиде на свою мать, которая забрала её сбережения и сбежала в город с молодым любовником. Но потом девушка признаётся: «Всё равно я скучаю по ней. И ты, рыба-луна, – единственная, кому я могу об этом сказать». Да, это была та самая рыба-луна, о которой говорилось в книге. Довольно необычное название для рыбы, поэтому ты переспросила: «Рыба-луна?» – «Да, её ещё называют мамбо». Как в песне: «Эй, мамбо!» Ты почувствовала, что только в тот момент полностью ушло то напряжение, которое ты всё время чувствовала с тех пор, как вошла в библиотеку. На прилавках лежали живые осьминоги, головы которых были больше человеческих, свежие морские ушки, рыба-меч, скумбрия и крабы, которые были как минимум в три раза дешевле, чем в Сеуле. Ты вдруг вспомнила о матери. Может быть, из-за рыбы-луны. Раньше ты не вспоминала о матери на рыбном рынке, но тут в памяти отчётливо всплыла картина, как зимой вы с мамой чистили у колодца ската для поминальной церемонии. Оледеневшими руками мама счищала шкурку грязно-чёрного цвета, вместе с которой снималась и мякоть. В одной лавке был выставлен варёный осьминог размером с небольшого ребёнка. Ты остановилась и купила там живого осьминога за 15 тысяч вон. Ещё ты взяла морских ушек. Они хоть и были выращены искусственно, зато, как сказала продавщица, их вскармливали морской капустой и ламина-

риями. Когда ты сказала, что повезёшь это в Сеул, хозяйка предложила заплатить ещё две тысячи, за которые она положит всё в коробку со льдом. Даже когда ты уже вышла с рынка с пенопластовым ящиком, где лежал живой осьминог и морские ушки, до самолёта оставалось ещё много времени. Держа в одной руке книги, которые тебе дали в библиотеке, а в другой коробку, ты опять села в такси и на этот раз поехала к морю. Дорога от рыбного рынка до морского побережья, где можно было пройтись по песку, заняла всего три минуты. Был ноябрь, и на берегу не было никого, кроме двух влюблённых пар. Пока ты шла через широкую песчаную полосу к воде, ты два раза споткнулась. Ты села прямо на мелкий песок, перед твоими глазами простиралось море. Ты неподвижно смотрела на морскую гладь, потом обернулась и увидела высотные дома и магазины, смотревшие на море. Они стояли ровно через дорогу от того места, где ты вышла из такси. Ты подумала, что люди, которые живут здесь, в жаркую летнюю ночь могут в любой момент выйти окунуться, а потом дома принять душ. Ты смотрела на море, а потом в какой-то момент достала из бумажного пакета книгу для слепых и открыла её. Белые точки, которыми была усыпана каждая страница, блестели на ноябрьском солнце.

Сидя под лучами солнца на морском берегу, ты водила пальцами по непонятным тебе буквам и пыталась вспомнить, кто же научил тебя читать. Это был средний брат. Ты

лежала рядом с ним, уперевшись локтями в пол в передней части старого дома. Рядом сидела мать. У среднего брата был спокойный характер. Он лучше всех детей в семье слушался родителей. Не смея перечить матери, — хотя по его выражению лица было заметно, что это скучное занятие, — он заставлял тебя по несколько раз писать арабские цифры, гласные и согласные буквы корейского алфавита. Ты была левшой и всё время пыталась перехватить карандаш в левую руку. Каждый раз при этом, по указанию матери, брат ударял тебя по кисти бамбуковой линейкой. Тебе было удобнее писать левой рукой, но мама говорила, что тот, кто делает всё левой рукой, накликает на себя беду. Если ты на кухне накладывала рис левой рукой, мать забирала лопатку и совала её тебе в правую руку. Если ты всё равно брала её левой рукой, она забирала у тебя лопатку, била ею по руке, приговаривая: «Ты почему не слушаешься?!» На руке оставался красный след. Стоило брату отвернуться, как ты быстро переключивала карандаш в левую руку и, чтобы написать восьмёрку, рисовала два кружка один над другим, после чего быстро перехватывала карандаш обратно в правую. Брат сразу догадывался, что ты написала восьмёрку из двух отдельных кружков, — заставлял тебя подставить ладони и ударял бамбуковой линейкой. Каждый раз, когда брат учил тебя писать, мама, штопая носки или очищая чеснок, смотрела, как ты, лёжа на полу, пишешь буквы. Ещё до школы ты могла написать имя, своё и мамино. Когда ты открывала книгу и начинала с запинками

читать, лицо матери расцветало. Ты будто видела эту картину сейчас, поверх страницы, пестревшей точками азбуки для слепых, которую ты не могла прочитать. Ты встала с песка. Даже не отряхнувшись, ты повернулась спиной к морю и пошла быстрым шагом. Ты решила не возвращаться в Сеул, а села в такси, доехала до города Л., где пересела на поезд до уезда Ч., думая о том, что вот уже полгода ты её не видела.

Тебе вспомнился школьный класс. Это было давно.

В тот день шестьдесят с лишним учеников шестого класса писали заявления о поступлении на следующую ступень обучения – среднюю школу. Не написать заявление в тот день означало, что на этом учёба в школе закончится навсегда. Среди детей, которые не написали заявление, была и ты. Ты ещё до конца не понимала, что означало бросить учёбу. Тебя больше беспокоило, что мать вчера вечером накричала на отца, который лежал больной. «Мы и так живём в глуши и не можем ей ничего дать. А если ещё не пустить её учиться – что с неё станет?» – вопила мать на больного отца. Отец встал и вышел за ворота, а мать схватила обеденный столик и вышвырнула его во двор. «Проку от всего этого баракла, если мы дочку не можем в школу отдать? Разобью всё напроць!» – кричала она. Ты про себя думала, что не нужна тебе эта школа, лишь бы мама успокоилась. Вышвырнув столик, мать не остановилась, она начала хлопать дверьми кла-

довой, срывать развешенное на верёвке бельё, комкая и бросаю его во двор. Ты стояла у колодца и молча смотрела на неё. Она подошла к тебе, сняла со своей головы полотенце и поднесла к твоему носу. «Дуй!» От полотенца резко пахнуло потом. Ты не хотела сморкаться, тем более в это вонючее полотенце. Но мать не отступала: «Дуй сильно!» Ты медлила. Мама сказала, что надо высморкаться, чтобы не плакать. Наверное, у тебя было такое выражение лица, будто ты вот-вот расплачешься. Мать просила тебя высморкаться, чтобы ты не заплакала. Ты решила не упрямиться и высморкалась в это пропахшее потом полотенце. Завтра, с тем же самым грязным полотенцем на голове, мать появилась в твоём классе. Она о чём-то поговорила с классным руководителем, после чего тебе дали заявление на зачисление в среднюю школу. Вписывая своё имя, ты подняла голову и увидела, как мать смотрит на тебя через окно класса, выходящее в коридор. Встретившись с тобой взглядом, она сняла с головы полотенце, замахала им и широко улыбнулась. У мамы было единственное украшение – жёлтое кольцо, которое она носила на среднем пальце. Когда пришло время вносить оплату за поступление в среднюю школу, на пальце вместо кольца остался только глубокий след.

Время от времени мать мучили головные боли.

В ту ночь ты проснулась от жажды. Из темноты сверху

вниз на тебя смотрели твои книги. Уезжая на год в Японию вместе с человеком, с которым ты была в отношениях, ты начала наводить порядок в вещах и поняла, что нужно куда-то деть книги, которых у тебя было слишком много. Ты раздумывала, что с ними делать, и решила большую часть книг, которые пробыли с тобой долгое время, отправить домой к маме. Она специально освободила одну комнату и выставила книги там. После возвращения ты уже так и не забрала их обратно. Приезжая к матери, ты всегда оставляла вещи в этой комнате. Когда ты оставалась ночевать, мать стелила тебе постель здесь же. Какое-то время в мутном сумраке ты снизу вверх смотрела на свои книги, а потом вышла в кухню. Выпив воды, ты вернулась в комнату и подумала: «Интересно, спит ли мама?» Ты осторожно приоткрыла дверь в её комнату. Тебе показалось, что под одеялом пусто. Ты позвала: «Мама!» Ответа не было. Ты нащупала на стене выключатель и включила свет. Матери не было. Включив свет в зале, ты заглянула в ванную, но и там её не было. Постоянно повторяя «Мама, мама!», ты открыла входную дверь и вышла во двор. Утренний ветер проник под одежду. Ты включила свет во дворе и первым делом посмотрела в сторону пристройки. Мать лежала там. Спрыгнув с лестницы, ты подошла к ней. Как и днём, она спала, положив руку на лоб и сильно нахмутив брови. Ноги её были босыми. Пальцы ног были поджаты – видимо, ей было холодно. Приятные воспоминания о вчерашнем скромном ужине и прогулке вокруг

дома, казалось, разлетелись вдребезги. Было раннее ноябрьское утро. Ты принесла одеяло, потом достала носки и надела на её босые ноги. Ты сидела рядом, пока она не пришла в себя.

Однажды мать принесла и поставила в пристройке пресс-форму для солода. Так она собиралась заработать какие-то деньги другим способом, кроме земледелия. Она собирала на своём поле зёрна пшеницы, слегка перемалывала их, добавляла воды, после чего укладывала эту массу в форму и прессовала. Сделанные таким образом брикеты начинали закисать и источали стойкий запах, слышимый по всему дому. Все жаловались на этот запах, но мать говорила, что запах брожения – это запах денег. Кто-то в нашей деревне занимался производством соевого творога. Мать относила туда хорошо сбродивший брикет, те сдавали его в винодельню, за что получали деньги, которые потом отдавали матери. Эти деньги мама складывала в белую керамическую миску, поверх неё ставила ещё шесть-семь тарелок и засовывала их на самую верхнюю полку кухонного шкафа. Эта миска была для матери банком. Она складывала туда не только деньги, но и все другие свои сбережения. Когда ты приносила квитанцию на оплату обучения, мать доставала деньги, сложенные в керамической миске, отсчитывала нужную сумму и вкладывала в твою руку.

Утром, открыв глаза, ты поняла, что заснула на лавке в амбаре. «А где же мама?» – подумала ты и осмотрелась. Матери не было рядом, был слышен только стук ножа по разделочной доске, доносящийся со стороны кухни. Ты быстро встала и пошла на кухню. В тот момент мать начинала резать лежавшую на разделочной доске редьку. Она держала нож как-то неуверенно. Это была уже не та сноровка, с которой она когда-то, не глядя на нож, ловко шинковала редьку для салата. Рука казалась неуклюжей, а нож постоянно промахивался мимо редьки и скользил по доске. Казалось, что так она скорее порежет не редьку, а свой палец. «Мама, стой, – не выдержав, сказала ты и забрала у неё нож. – Давай я порежу». Ты встала у разделочной доски. Немного поколебавшись, мать всё же уступила тебе место. В металлической решетке в мойке, распластавшись, лежал уже неживой осьминог, которого ты привезла в коробке. На плите стояла пароварка из нержавейки. Похоже, мать хотела приготовить осьминога на пару, положив на дно пароварки слой редьки. Ты хотела возразить, что осьминогов бланшируют, а не варят на пару, но передумала. Мать выложила на дно пароварки редьку, которую ты порезала. Поверх редьки она установила подставку, положила на неё целого осьминога и закрыла крышкой. Ты узнала её старую привычку... Мать редко готовила рыбу. Она даже не утруждалась различать названия рыб. И скумбрию, и сайру, и рыбу-меч мать называла одинаково – «рыба». При этом, упоминая бобовые, например, она

всегда чётко различала фасоль, сою, белую сою, чёрную сою. Когда появлялась рыба, она не подавала её сырой, не пекла и не тушила, а всегда солила и готовила на пару. Скумбрию или рыбу-меч она приправляла соевым соусом, смешанным с молотым красным и рубленным зелёным перцем и чесноком и тоже варила на пару, налив на дно пароварки слитую с риса воду. И раньше, и сейчас твоя мать не берёт в рот сырую рыбу. А когда видит, как едят другие, брезгливо морщится, на её лице недоумение, как рыбу можно есть сырой. Мать с семнадцати лет готовила на пару ската для поминальной церемонии и, по-видимому, поэтому решила и осьминога приготовить в пароварке. Вскоре по кухне начал расплываться запах варёной редьки и осьминога. Наблюдая, как мать готовит осьминога, ты вспоминала, как вы готовили скатов.

У вас на родине принято на ритуальный поминальный стол всегда ставить блюдо из ската. В вашей семье поминальный ритуал проводился один раз весной, два – летом и два – зимой. Таков был годовой цикл ритуальных церемоний, подготовка к которым полностью лежала на плечах матери. Если учесть, что поминальный стол готовился ещё на лунный новый год и Праздник урожая, – то получалось, что количество скатов, с которых мать должна была снять шкуру, сидя на корточках у колодца, составляло семь в год. Обычно она покупала скатов размером с крышку кухонного котла. Когда твоя мама приносила с рынка бурую тушу ската, бросая её с характерным шлепком на площадку у колодца, это озна-

чало, что приближается день поминального ритуала. Самым большим мучением было чистить ската перед зимними ритуалами, когда стояли такие морозы, что проливавшаяся на землю вода с треском моментально превращалась в корочку льда. Мать своей красной окоченелой рукой делала надрез в шкуре ската, а твои детские тонкие пальцы стягивали её. Ладно, если бы хотя бы можно было потянуть и снять всю шкурку сразу, но когда ты её оттягивала сантиметра на три, она тут же обрывалась, и приходилось постоянно делать новые надрезы. Мать и дочь, присевшие на покрытой коркой льда площадке у колодца, – вот характерная картина вашего дома зимой. Это действие повторялось из года в год, будто вновь прокручиваемая киноплёнка. В один год мама задумчиво посмотрела на твои онемевшие от холода руки и сказала: «Да ну её! Ну не снимем мы шкуру, и что!» Она перестала чистить и энергично порубила ската на куски. Впервые на поминальном столе оказался нечищенный скат. Отец спросил: «Что это с ним?» – «Обычный скат, просто шкуру не сняли», – ответила мама. «Поминальные блюда нельзя готовить кое-как», – проворчала из-за спины матери твоя тётя. «Так сами бы взяли и почистили», – не растерялась мать. В течение следующего года неочищенного ската на поминальном столе вспоминали каждый раз, когда случались неприятности. Когда не уродилась хурма, когда во время игры в «чижа» старшему брату попали палкой в глаз, когда отца положили в больницу, когда произошла ссора между двоюрод-

ными братьями и сёстрами, тётя каждый раз ворчала, что всё это произошло из-за того ската на поминальном столе, с которого мать поленилась снять шкурку.

Мать положила сваренного на пару осьминога на разделочную доску и собралась его нарезать. Но нож по-прежнему соскальзывал. «Мама, давай я». Опять забрав у мамы нож, ты порезала горячего осьминога, пропитавшегося ароматом редьки, взяла один кусочек, макнула в перечно-уксусный соус и протянула маме. Так всегда делала она. Каждый раз в этом случае ты протягивала палочки, чтобы взять кусочек, но она говорила: «Будет не так вкусно, бери с моих рук». На этот раз мама собралась взять кусочек палочками. «Мама, будет не так вкусно, бери с моих рук». Ты положила кусочек пареного осьминога матери в раскрытый рот. Сама тоже взяла один кусок и попробовала. Пареный осьминог был мягким и тёплым. Ты сначала подумала: кто же ест осьминога на завтрак? Но вы с мамой, стоя на кухне, продолжали есть его руками с разделочной доски. Ты увидела, как мать пыталась взять кусочек, но постоянно роняла его. Ты снова подала ей осьминога своей рукой. Потом мама уже перестала пытаться есть самостоятельно, а ждала, пока ты поможешь ей. Кажалось, что руки не слушаются. Жуя осьминога, ты позвала: «Мамочка! Давайте вместе съездим в Сеул», – впервые обратившись к ней на «вы». Она ответила: «Пойдём лучше в горы».

– В горы?

– Да, в горы.

– А куда?

– Есть одна тропинка, которую я проложила.

– Поехали в Сеул, ходим в больницу.

– Потом.

– Когда потом?

– Когда у старшей закончатся вступительные экзамены.

«Старшей» она называла дочку твоего старшего брата.

– Можно же сходить в больницу со мной, а не с братом.

– Всё в порядке... Это пройдёт, и всё будет нормально. Я хожу к травнику... И на физиотерапию.

Переубедить её было невозможно. Она настояла на том, что поедет в Сеул как-нибудь в другой раз. Мать задумчиво посмотрела на тебя, а потом спросила, какая страна самая маленькая на свете.

– Самая маленькая страна?

Ты не ожидала от неё такого вопроса, поэтому теперь уже ты в недоумении смотрела на неё, вспоминая, какая же страна самая маленькая. Вскоре лицо матери стало безразличным, и она попросила привезти ей розовые чётки, если ты когда-нибудь окажешься там.

– Розовые чётки?

– Да, чётки из розового дерева.

Мать уставшим взглядом посмотрела на тебя.

– Тебе нужны чётки?

– Нет... Я хочу, чтобы у меня были именно такие чётки

из той страны.

Мама ненадолго замолчала и глубоко вздохнула.

– Если когда-нибудь окажешься там, привези их мне.

– ...

– Ты ведь можешь поехать куда угодно.

На этом разговор прервался. После того, как она сказала: «Ты ведь можешь поехать куда угодно», она больше ни слова не сказала на кухне. Позавтракав осьминогом, вы вышли за ворота. Пройдя вдоль поля за домом, вы вышли на горную тропинку. Здесь практически никто не ходит, но узкая тропинка всё-таки есть. Она была обильно усыпана дубовыми листьями, и по ней было мягко ступать. Изредка лицо задевали ветки деревьев, свисавшие над тропинкой. Шагая впереди, мать время от времени отгибала их назад. Подождав, пока ты пройдёшь, она отпускала ветки. Ты увидела, как птица вспорхнула над тропинкой.

– Ты часто сюда приходишь?

– Да.

– С кем?

– Что значит с кем? Мне не с кем.

Неужели она одна ходит по этой дороге? Ты снова подумала, что теперь уже не можешь сказать, что знаешь её. Это была слишком глухая тропинка, чтобы ходить по ней в одиночку. Иногда густые заросли даже закрывали небо.

– Почему ты одна ходишь по этой тропинке?

– Как-то раз я пришла сюда, когда умерла твоя тётя, после

этого стала часто сюда ходить.

Какое-то время вы шли молча. На одном из возвышений мать остановилась. Встав рядом, ты посмотрела в сторону, куда смотрела она, и вдруг закричала: «А, это же та самая дорога!» Неужели это была она? Эта давно уже забытая тобой тропинка – самый короткий путь до бабушкиного дома, по которому ты ходила в детстве. По ней люди продолжали ходить, даже когда была проложена большая дорога через деревню. Где-то тут ты блуждала в поисках выпорхнувшей у тебя из рук курицы, которую, словив во дворе, обвязали верёвкой и дали тебе отнести в дом родителей матери в один из поминальных дней. Ты так и не нашла тогда курицу, которую упустила. Интересно, куда она сбежала? Надо же, как изменилась эта тропинка! В своё время ты могла бы пройти по ней даже вслепую, но сейчас, если бы не этот бугор, ты бы и не подумала, что это та самая дорожка. Стоя на возвышении, мать посмотрела в сторону дома своих родителей. Сейчас он был уже пуст. В деревне, где родилась мама, в своё время было не менее пятидесяти домов, но все разъехались. Несколько домов по-прежнему осталось стоять, но к ним давно уже никто даже не навевывался. Приходя сюда одна, мать, наверное, смотрела вниз на опустевшую родную деревню. Ты обняла её за талию и ещё раз предложила поехать в Сеул. Не ответив тебе, мать заговорила о собаке. Тебе и самой было интересно, куда она делась, ведь будка была пуста, но до этого момента у тебя не было возможности

спросить. Когда год назад летом ты приехала домой, рядом с пристройкой была привязана собака породы чиндо. На улице стояла ужасная жара, а собака была так коротко привязана, что еле дышала. Ты попросила мать отвязать животное. Мать сказала, что, если её отвязать, прохожие будут пугаться. Как можно собаку в деревне держать на цепи?.. В тот раз, только приехав домой и не успев даже нормально поздороваться, ты начала препираться из-за собаки. «Зачем ты её привязала? Отвяжи», – настаивала ты, но мать говорила, что сейчас даже в деревнях никто не держит собаку без цепи: собак привязывают, чтобы не убежали. «Ну тогда хотя бы цепь надо подлиннее сделать. Зачем так коротко привязывать? Она же и так изнывает от жары! Если животное не может пожаловаться, это же не значит, что с ним можно так обращаться», – выпалила ты. Мать сказала, что в доме нет другого поводка. Кажется, эта цепь осталась ещё от предыдущей собаки. «Значит, надо купить!» Ты давно не была дома, но, приехав, ты даже не успела зайти в комнату, развернулась и поехала в город, где купила длинную цепь, чтобы собака даже на привязи могла свободно гулять по всему двору. Вернувшись с новой цепью, ты посмотрела на будку, и она тоже показалась тебе слишком маленькой. Ты сказала, что опять поедешь в город – покупать будку. Мать принялась отговаривать. Она сказала, что по соседству живет плотник и она попросит его сделать будку. У матери в голове не укладывалось, как можно за деньги покупать жилище для животного. Уж чего-чего,

а фанеры вокруг полно, вбить пару гвоздей – и вопрос решён. Зачем зря деньги тратить? Деньги, что ли, лишние? Так считала твоя мама. Перед отъездом обратно в Сеул ты протянула двести тысяч вон, взяв с матери слово, что она обязательно закажет большую будку. Та пообещала, что так и сделает. Вернувшись в Сеул, ты несколько раз звонила, чтобы спросить, готова ли будка. Мать могла и соврать, но она каждый раз говорила: «Скоро сделаю», «Как раз собиралась заняться». Когда, позвонив в четвёртый раз, ты опять услышала такой же ответ, ты не выдержала:

– Я же и деньги тебе оставила. Вы, деревенские, ещё хуже городских. Тебе не жалко собаку? Каково ей в тесноте, тем более в такую жару? Она там кучи навалила, сидит во всём этом, а ты даже не уберёшь за ней... Она же там еле помещается. Или отвяжи её – пусть гуляет во дворе. Неужели не жалко собаку?

На мгновение на том конце провода стало тихо. Выпалив: «Вы, деревенские, ещё хуже городских», – ты и сама сейчас пожалела: «Зачем же я сказала так резко?» Послышался гневный голос:

– Я смотрю, тебя собака волнует больше, чем мать родная! Ты считаешь, что я издеваюсь над собакой? Моя собака, сама разберусь с ней! Не лезь!

Мать бросила трубку. Раньше ты всегда первая клала трубку со словами: «Мама, я перезвоню». Но в большинстве случаев не перезванивала. Тебе было некогда подолгу разго-

варивать. Но на этот раз она прервала разговор. Она впервые так сильно разозлилась на тебя после того, как ты переехала жить в столицу. Отправив тебя в Сеул к брату, она постоянно извинялась перед тобой. Говорила, что чувствует себя виноватой в том, что не смогла позаботиться о тебе сама, а спихнула брату. Когда ты звонила ей, она всегда старалась продлить разговор как можно дольше. Но когда в тот раз мать бросила трубку, ты больше переживала не из-за матери, а из-за собаки. Ты думала, почему мама стала такой? Ведь она всегда заботилась о животных, которых в доме было много. Даже когда приезжала в Сеул, рассчитывая побыть подольше, не проходило и трёх дней, как она уже рвалась обратно, объясняя, что ей надо кормить собаку. Почему же сейчас она себя так ведёт? Тебя даже начало раздражать то, что мать стала такой бездушной. Через три-четыре дня она сама тебе позвонила.

– Раньше ты такой не была. Почему ты не перезвонила и не извинилась, когда я бросила трубку? Что за упрямство?

Это не было упрямством. У тебя было слишком мало свободного времени, чтобы долго раздумывать над такими вещами. Иногда тебе вдруг вспоминалось, как мать разозлилась и бросила трубку, и ты думала: «Надо бы ей позвонить», но из-за других дел откладывала звонок.

– Вы, образованные, все такие?!

Выпалив это, мама опять бросила трубку. Когда незадолго до Праздника урожая ты опять приехала домой, около ам-

бара стояла большая будка. Пол даже был выстелен мягкой соломой.

– В октябре, когда я на кухне промывала рис для завтрака, я чувствовала, будто кто-то стучит мне по спине. Когда я оборачивалась, никого не было. Это продолжалось три дня подряд. Я чётко ощущала, что кто-то слегка ударил меня по спине, будто звал меня, но, когда оборачивалась, никого не видела. На четвёртый день утром, только-только открыв глаза, я вышла на улицу, смотрю – рядом с туалетом лежит собака. Ты вот злилась, что я будто бы издеваюсь над животным, так вот знай, я подобрала её около вокзала, она вся больная тогда была. Пожалела животное, забрала к себе, посадила на цепь и кормила. Если бы я её не привязала, она бы сбежала и её бы попросту кто-то съел... Так вот, когда увидела её на земле, подумала, что она спит. Я подошла растормошить её, но она не двигалась. Сдохла, бедняга. Ещё за день до этого отлично ела, виляла хвостом, а тут лежит, будто спит. Не понятно, как она отвязала железную цепь. Когда я её только привела домой, одни рёбра торчали. У меня она и поправилась, и шерсть заблестела. А умная-то какая была! Кротов ловила...

Мать вздохнула, чтобы перевести дух.

– Не зря же говорят: вырастишь человека – он тебя предаст, а вырастишь собаку – она тебе воздаст. Похоже, она ушла вместо меня.

На этот раз вздохнула ты.

– Прошлой весной я дала пожертвование одному проходившему мимо буддийскому монаху. Представь себе, он мне сказал, что в этом году у нас в семье станет одним меньше. После его слов я не находила себе места целый год. Видишь, поди, смерть-то за мной приходила, а я каждый раз мыла рис, так вот она забрала животное вместо меня.

– Мама, что за глупости. Ты же верующая, как ты можешь этому верить?

Ты вспомнила пустую будку. И отвязанную цепь. От этого тебе стало не по себе, и ты обняла мать.

– Вырыла во дворе глубокую яму и похоронила там собаку.

Твоя мать всегда любила рассказывать истории. В ночь, когда проводился поминальный ритуал, твои тётушки приносили с собой в ковшиках рис. В те времена продукты были на вес золота, так что это было их вкладом в семейное мероприятие. После поминального стола мать складывала для родственников пищу со стола в их уже пустые ковши. А до этого, во время церемонии, ковшики с рисом стояли рядом с поминальным столом. После окончания ритуала мама говорила, что во время церемонии прилетали птицы и садились на рис в ковшах. Если ей не верили, она настаивала: «Говорю же, что сама видела! Их было целых шесть. Птицы – это предки, которые прилетали отведать еды с ритуального стола». Все лишь смеялись, но когда ты после слов матери за-

глядывала в ковш, тебе мерещились птичьи следы на белом рисе. Однажды ранним утром, взяв с собой обед, мать пошла на участок, который был в горах, и увидела, что кто-то пришёл туда раньше неё и полет грядки. Когда она спросила, кто он, человек сказал, что просто проходил мимо, увидел, что на поле много сорняков, и решил помочь их прополоть. Мать весь день полола вместе с незнакомцем. В знак благодарности она даже поделила с ним свою еду. Целый день они пололи, разговаривая о чём-то, и расстались, когда уже стемнело. Вернувшись с поля, мать рассказала сестре отца, что целый день полола с каким-то незнакомым человеком. Тётя вдруг изменилась в лице. Уточнив у матери, как он выглядел, она рассказала, что ходят слухи, будто у поля раньше был хозяин, который умер от солнечного удара, пропалывая сорняки. Выслушав этот рассказ, ты спросила: «Ты целый день была на поле с духом умершего? Тебе не было страшно?» Мать ответила как ни в чём не бывало: «Что страшного? В одиночку полола бы два-три дня, а так только была благодарна за помощь».

Головные боли буквально съедали мать. Она очень быстро потеряла энергичность и бодрость, всё чаще стала лежать. Похоже, она не могла ни на чём сосредоточиться, даже играя в карты на мелкие деньги, – это была одна из немногих её отдушин. Кроме того, мать во всём потеряла былую ловкость. Однажды, поставив на плите кипятиться бельё, она

почувствовала, что ноги не держат, села на пол и не смогла встать. Даже когда выварка начала подгорать, а бельё тлеть, от чего кухня наполнилась дымом, мать всё не могла прийти в себя. Если бы не сосед, который, увидев клубящийся дым, заглянул в дом, мог бы случиться пожар.

Твоя младшая сестра, мать троих детей, однажды серьёзно спросила у тебя: «Думаешь, маме действительно нравилось хлопотать на кухне?» На твой вопрос: «Почему ты спрашиваешь?» – сестра ответила: «Мне кажется, мама вряд ли любила кухню». Твоя сестра, фармацевт по специальности, открыла свою аптеку во время первой беременности. Когда она родила, на какое-то время оставила ребёнка у жены брата, чтобы та за ним присматривала, потому что жена брата жила далеко. Сестра продолжала работать в аптеке, хотя ради этого ей пришлось смириться с тем, что любимого ребёнка она могла видеть лишь раз в неделю. Сцены расставания сестры с малышом были душераздирающими. Они как будто расставались на всю жизнь. Сложнее всего приходилось твоей сестре. Ребёнок довольно быстро привык, а молодая мама, проведя с ребёнком воскресенье у себя дома и снова оставив его на неделю у жены брата, по дороге домой плакала так, что руки на руле были мокрыми от капающих слёз, а по понедельникам она стояла в аптеке с припухшими глазами. Даже ты её отговаривала: «Неужели тебе такой ценой нужна эта аптека?» Но сестра продолжала работать в аптеке даже после рождения второго ребёнка и закрыла её толь-

ко перед отъездом в США, куда они отправлялись по работе мужа. Сестра сказала, что они бросают все свои дела в Сеуле и уезжают в Америку, потому что это откроет хорошие возможности для детей. Ты про себя подумала: «Поезжай, хоть отдохнёшь». Ведь сестра ни разу не отдыхала от работы после замужества. Она вернулась из США уже с тремя детьми. Теперь сестра должна была готовить еду для семьи, которая состояла, включая её саму, из пяти человек. Она рассказывала, как однажды за месяц они съели двести тушек жёлтого горбыля. «За месяц двести штук? Вы что, ничего больше не ели?» – спросила ты. Сестра сказала, что так и было. Тогда ещё из Америки не пришли посылки с вещами, а к новой квартире не успели привыкнуть. Кроме всего прочего, сестра сама не могла ходить на рынок с грудным ребёнком. Свекровь прислала ей ящик слегка подсушенного солёного горбыля, но они съели его всего за десять дней. «Я варила суп из пророщенной сои и к нему подавала печёного горбыля, потом варила кабачковый суп и опять подавала того же горбыля», – улыбалась сестра. Она решила купить ещё и узнала у свекрови название магазина. Один ящик разошёлся очень быстро, поэтому на этот раз сестра заказала два. «Когда мыла тушки, насчитала двести штук. Все сразу помыла и разложила по пакетикам по четыре-пять штук, чтобы потом было удобно доставать для одной жарки. Честно, пока возилась с этой рыбой, так и хотелось ее вышвырнуть, – как ни в чём не бывало рассказывала сестра. – Вдруг я подумала о маме.

Каково было маме всю жизнь готовить на такую большую семью на своей деревенской кухне? А какие у нас аппетиты-то были! Помнишь? Приходилось каждый раз по два стола накрывать. А какой был большой котёл для риса? И надо было ещё что-то из еды откладывать, чтобы дать с собой в школу... Как мама могла каждый божий день всё это выдерживать? Кроме всего прочего, у нас ещё и родственники часто останавливались. Вряд ли маме нравилось хлопотать на кухне». Выслушав сестру, ты озадачилась. Ты никогда не разделяла понятия «мама» и «кухня». Мама – это и есть кухня, а кухня – это мама. Ты никогда не задумывалась, нравилось ли маме готовить.

Для того чтобы скопить денег, мать разводила шелкопряда, заквашивала солод, готовила соевый творог. Но самый лучший способ скопить деньги – это не тратить их. Мама сэкономила на всём. Однажды она даже продала каким-то приезжим людям старый резервуар керосиновой лампы, камень для отбивания одежды, глиняные горшки. Этим людям приглянулись старинные вещи. Для матери они не представляли особой ценности, но, когда речь зашла о цене, она начала умело торговаться, как настоящий продавец. Сначала казалось, что мать вот-вот уступит, но в результате всё получалось так, как она хотела. Она молча слушала их, потом называла свою цену. Покупатели усмехались, мол, кто же будет покупать никому не нужную вещь за такие деньги. «Ну тогда

зачем вы приехали за этим барахлом?» – говорила мама и, взяв резервуар, якобы собиралась уходить. Тогда покупатели всё же выкладывали сумму, которую просила мама, недовольно приговаривая: «Вы бы могли быть хорошим торговцем».

И наоборот, покупая что-то, мать никогда не платила полной стоимости. Почти всё она добывала своим трудом, поэтому никогда не сидела сложа руки. Мать шила на швейной машинке, вязала, постоянно работала в поле. Её участок никогда не пустовал. Весной она выращивала картофельную рассаду, сеяла семена салата, златоцвета, просвирняка и душистого лука, сажала перец, бросала в землю семена кукурузы. Под забором она делала ямки для тыквы, а на межах рисовой плантации высаживала сою. Рядом с мамой всегда рос кунжут, тутовник, огурцы. Мать была или на кухне, или на рисовой плантации, или на участке. Она выкапывала картошку, батат, срезала тыкву, пекинскую капусту или вытягивала редьку. Мамин труд будто являлся демонстрацией поговорок: «Что посеешь, то и пожнёшь». Она покупала только то, что не вырастало из семян – уток или цыплят, чтобы растить их на дворе, поросят, чтобы держать в свинарнике. Однажды собака родила девять щенков. Примерно через месяц мама оставила двоих, а всех остальных положила в бамбуковую корзину. Один щенок не помещался, и мать дала его понести тебе. Автобус, в который вы с матерью сели, был на-

бит людьми, ехавшими в посёлок что-то продавать. Они везли мешки с высушенным перцем, кунжутом, чёрной соей... Бамбуковые корзины, где было всего три-четыре головки пекинской капусты и несколько клубней редьки... Добравшись до посёлка, люди располагались с товаром перед автобусной остановкой. Прохожие спрашивали цену и торговались. Ты положила тёмный комочек, который всю дорогу прижимала к груди, в бамбуковую корзину, где копошились остальные щенки, и села на корточках рядом с матерью, ожидая покупателей. Щенки, за которыми мать заботливо ухаживала в течение месяца, были крепкими и здоровыми. Они были общительными, в них не было ни настороженности, ни агрессивности. Махали хвостами, высовывали языки и лизали руки собравшимся перед корзиной людям. Щенки были проданы быстрее, чем редька, чем пекинская капуста, чем соя. Когда был продан последний, мать встала. Ты взяла её за руку, и она спросила: «Чего бы тебе хотелось?» Мать почти никогда так не спрашивала, поэтому ты непонимающе смотрела на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.